

Развитие законодательства о ничтожности корпоративных решений

Как видно из анализа истории развития российского законодательства и судебной практики по вопросу ничтожности решений собраний, данный институт развивается циклично: то наше право вообще не знает ничтожности решений собраний, удовлетворяясь только оспоримостью, то допускается чрезвычайно широкая свобода объявления решений собраний ничтожными, то снова "домен ничтожности" сужается до нескольких практических ситуаций и, наконец, масштабы ничтожности, не ограниченные какими-либо формальными рамками, снова разрастаются. Соответственно, ключевые вопросы политики права в рассматриваемой сфере сводятся к тому, как задать границы "домена ничтожности" корпоративных решений, провести настройку данного инструмента так, чтобы он мог применяться на практике, но не превращался в средство на все случаи жизни, поскольку последствия от широкого распространения применения института ничтожности решений собраний могут быть крайне губительны для оборота. Одно дело, когда признается ничтожной единичная, как правило, двусторонняя сделка: в таком случае страдают две стороны договора и (опосредованно) последующие контрагенты сторон договора, если ничтожность отразится на их имущественных правах. Совсем другое дело, когда ничтожным объявляется решение собрания. Учитывая, что такое решение, как правило, отражается на множестве единичных сделок, совершенных корпорацией (например, директором, назначенным в силу ничтожного решения собрания действовать от имени корпорации)¹, разрушительный эффект для оборота может измеряться десятками, а то и сотнями последующих недействительных сделок, стороной которых была корпорация.

¹ Раздьяконов Е.С. Ответчик по иску об оспаривании решения общего собрания акционеров // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. N 3. С. 9 - 12.

Таким образом, излишняя "размашистость" в допущении ничтожности решений собраний должна быть уравновешена соображениями разумности, осознанием практических последствий для оборота каждого основания ничтожности решений корпоративных образований.

Если и далее продолжать расширять перечень возможных оснований ничтожности корпоративных решений, а существующие нормы о ничтожности решений собраний применять излишне часто, то довольно скоро мы увидим в корпоративно-правовой сфере ту же ситуацию, что ранее наблюдали (и отчасти наблюдаем до сих пор) применительно к ничтожности обычных гражданско-правовых сделок. Вместе с тем, если в 2011 - 2013 гг. в связи с реформой ГК РФ была предпринята попытка "остудить пыл" судов по объявлению обычных сделок ничтожными, что вылилось в стремлении реализовать в законодательстве принцип "оспоримость - общее правило, ничтожность - только в прямо предусмотренных законом случаях", то нечто подобное нужно проделать в самое ближайшее время и применительно к решениям собраний, возможно, сделав возможность признания их ничтожными еще менее доступной для участников оборота, чем возможность признания ничтожными обыкновенных сделок. Однако прежде, чем провозглашать какой-либо вектор движения, нужно "договориться о понятиях": что понимать под критерием ничтожности решений собраний, а что можно отнести к оспоримым решениям собраний корпоративных образований.

При этом каждый раз, когда начинается обсуждение политико-правовых оснований ничтожности (идет ли речь о сделках или о решениях собраний), можно выявить два подхода к обоснованию того, почему и где нужна ничтожность. Первый основывается на идее о том, что право не может мириться с некими фундаментальными нарушениями, а потому, чтобы не умножать вопиющее бесправие, какие-то нарушения должны сразу же указывать на изначально ничтожные юридические акты. Их ничтожность окажется обратной стороной нетерпимости правопорядка к

фундаментальным нарушениям, допущенным при совершении юридического акта, а потому нет нужды дожидаться, чтобы его признали недействительным лишь впоследствии, причем в судебной процедуре. Какие-то грубейшие нарушения могут иметь следствием неготовность правопорядка признать за принятыми в результате их совершения актами силу полноценных юридических фактов без обращения в суд. Напротив, если нарушения не столь принципиальны для основ права, то правопорядок готов до какой-то поры мириться со связанными с ними псевдополноценными юридическими актами: они будут действительными, пока суд не примет решения об их недействительности. При такой линии рассуждений в первом случае речь идет о ничтожности, а во втором - об оспоримости. Как провести черту — это вопрос, который правопорядок решает исходя из конкретно-исторических предпосылок.

Второй подход основывается не на "сутовом" (субстантивном) делении ничтожных и оспоримых актов, а отталкивается от соображений о том, что просто, а что сложно для установления, выяснения: оспоримость в таком случае — это состав недействительности, который каждый раз устанавливается судом, а ничтожность — это что-то элементарное, простое, легко верифицируемое, а потому зачастую вовсе не требующее судебной процедуры. При таком подходе к разграничению ничтожных и оспоримых юридических актов в политике права не столь важно, насколько фундаментально для основ права то или иное нарушение. Важно лишь, насколько легко или сложно проявить то или иное нарушение. Соответственно, ничтожность будет чаще проявляться там, где нарушение элементарно для его установления, маркировки, а оспоримость будет востребована правопорядком в случаях, когда необходима оценочность суждения, дискреция правоприменителя.

Эти две линии рассуждений где-то пересекаются, а где-то идут параллельно друг другу, поэтому то, что в одной логике будет казаться безусловно ничтожным решением собрания, в другой - с точки зрения

политики права - нужно будет отнести исключительно к оспоримым решениям собраний.